

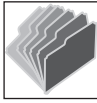
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ
**М.А. РОЗОВА «ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ»**

*Н.И. КУЗНЕЦОВА,
А.Л. НИКИФОРОВ*

Имя Михаила Александровича Розова (1930–2011) хорошо знакомо тем, кто в настоящее время занимается проблемами эпистемологии и философии науки. Прежде всего он известен как автор более 180 научных публикаций, среди которых четыре монографии, последовательно отмечавших вехи его профессионального развития: «Научная абстракция и ее виды» (1965); «Проблемы эмпирического анализа научных знаний» (1977); «Философия науки и техники», где его соавторами выступали В.Г. Горохов и В.С. Степин (1996); «Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии» (2008). Можно сказать, что основной результат поисков М.А. Розова, его целеустремленной систематической работы – создание теории социальных эстафет, которая призвана в конечном итоге выстроить целостную картину человеческого познания.

М.А. Розов окончил философский факультет Ленинградского университета в 1955 г. (отделение логики) и аспирантуру (1958), однако кандидатскую диссертацию защитил много позже. После окончания срока аспирантуры молодой специалист попросил «распределение» в Академгородок Новосибирска, который в том году еще только начинал строиться.

Впрочем, на вопрос о своем образовании он любил говорить: «Я – самоучка». Когда-то, во время нашего знакомства в 1973 г., он ошарашил меня таким ответом и, улыбнувшись, пояснил: «Вы же не думаете, что я действительно мог что-то знать, если учился в 1950-е гг. на философском факультете Ленинградского университета имени Жданова!» И это было понятно: молодому поколению философов, получивших высшее гуманитарное образование в послевоенные го-

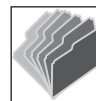

ды, пришлось в каком-то смысле начинать с нуля, заново, без поддержки учителей осмыслять фундаментальные проблемы онтологии и гносеологии, социальной философии, этики. В этом плане самые талантливые и ищущие были обречены на «самобытность».

Впрочем, Ленинградский университет внес свой неоценимый вклад в становление будущего эпистемолога. Ректором в то время был великий математик академик А.Д. Александров, и он всячески поощрял тех, кто помимо своего факультета выражал желание иметь занятия по другим специальностям. Таково было его старомодное представление о высокой миссии «университетской идеи». И Михаил Розов, опираясь на такую ректорскую поддержку, наряду со своей философской учебой прилежно посещал лекции и семинары на мехмате, получая фактически второе высшее образование в настоящей научной области. И это чрезвычайно помогло в дальнейшей эпистемологической работе – знание истории науки, разнообразных естественно-научных дисциплин, острота и точность мышления были характерными чертами его стиля, которые проявлялись буквально в каждой публикации. Но и не только: именно надежная база математического образования позволила М.А. Розову во времена, когда идеологический диктат стал почти невыносимым и затруднил работу молодого преподавателя философии, покинуть кафедру философии Новосибирского университета и перейти на работу в Институт автоматки и электрометрии Сибирского отделения Академии наук.

Директором Института был известный ученый, член-корреспондент АН СССР К.Б. Карандеев, который высоко ценил разнообразные способности Розова. В первое время еще не «остепенившийся» философ получил тему «Минимизация булевых функций» в контексте разработок по технической диагностике. Но именно Карандеев настоял на скорейшем завершении кандидатской диссертации, которая была защищена в московском Институте философии и потом издана в виде первой монографии М.А. Розова «Научная абстракция и ее виды».

Хорошее представление о социокультурной атмосфере Сибирского отделения АН СССР того периода дает следующий отрывок из воспоминаний самого Розова: «Молодой Академгородок тогда еще горел энтузиазмом и бурлил спорами и обсуждениями. Еще не было “остепененности” и сановности, собственных автомашин и садовых участков, зачастую не было кабинетов и приемных. Социальные программы не безразличны к тем физическим условиям, в которых они реализуются. В начале 60-х годов, на первых этапах формирования Сибирского отделения Академии наук целый институт мог располагаться в одной комнате или в квартире жилого дома, и это создавало условия для тесных контактов и общения ученых всех рангов, от академика до младшего научного сотрудника. Иными словами, теснота чисто физического характера приводила к разрушению социального дистанцирования. Все это толкало к творческому поиску и вызывало

романтические настроения. Я уже не говорю о том, что все мы были достаточно молоды, верили в свое предназначение и полагали, что живем во втором Геттингене, где на единицу площади приходится максимальное количество Мыслящего серого вещества»¹. В уникальной атмосфере Городка возникла еще одна оригинальная интеллектуальная мелодия.

В ноябре 1963 г. заработал собственный, розовский, «домашний» семинар. Вот как описывает это событие в предисловии к сборнику материалов по истории Новосибирского методологического семинара С.С. Розова: «В те дни в Томске проходила Вторая всесоюзная конференция по логике и методологии науки, на которой наша небольшая группа философов из Новосибирска впервые встретилась с Георгием Петровичем Щедровицким. Его яркая и глубокая речь, его человеческое обаяние и его уверенность в знании пути, которым должна следовать философская мысль, практически полностью совпавшая с запросами нашей интуиции, покорили нас. Решено было по приезде домой организовать постоянно действующий семинар, чтобы учиться... Семинар действительно стал в жизни каждого из нас тем местом, где проходила самая главная часть нашей философской жизни, нашей учебы и нашего творчества»².

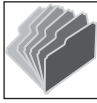
Разъясняя мотивы и смысл деятельности этого семинара, его создатель и идейный лидер М.А. Розов писал: «История нашей философской мысли эпохи тоталитаризма многослойна и многопланова. Существовала так называемая официальная философия, которая тиражировалась, навязывалась, фиксировалась в учебных программах, “развивалась” от съезда к съезду. Но за этим парадным подъездом, наглухо закрытым для живой мысли, скрывалось огромное здание, где люди разбредались по своим этажам и квартирам, чтобы жить более или менее нормальной жизнью. Здесь в конце 50-х и в 60-е годы процветали домашние семинары, формировались направления и школы и накапливалось то содержание, которое и сейчас составляет наш реальный багаж. Восстановить историю этой “теневого” философии иногда достаточно сложно, но важно, ибо в противном случае возникает “иллюзия парадного подъезда”»³.

Все участники семинара в той или иной степени противостояли тогдашней традиционной философии. Вместе с тем все они выросли в марксистской философской среде. Естественно, что все они впитали многие идеи философии К. Маркса. «Нельзя сказать, что мы, создавая семинар, вообще отвергали марксизм, — замечает М.А. Розов, — ни в

¹ На теневой стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1996. С. 8.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 7.

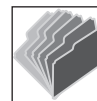
кoем случае, мы просто хотели творчески работать без оглядки на опрoтивевшие догмы. Думаю, что именно неприяtie догмы как таковой и было для нас в первую очередь объединяющим началом. Догмы не только вызывали протест самим фактом своего существования, они были уже достаточно дискредитированы после разоблачения так называемого культа личности, если не теоретически, то морально»⁴.

В дальнейшем можно сказать, что внешняя профессиональная карьера Михаила Александровича (если в данном случае вообще стоит говорить о карьере) складывалась достаточно ровно. Суть ее выражается лаконично – активная научно-преподавательская деятельность, которая состояла в огромной лекционной нагрузке (каких только учебных курсов он не подготовил и прочитал за 50 лет педагогического труда!), участии в работе многочисленных методологических семинаров, конференций, симпозиумов по теории познания, многочисленных научных публикациях. В 1981 г. он переехал в Москву и работал на кафедре философии естественных факультетов МГУ (ныне кафедра философии науки), а с 1989 г. – в Институте философии РАН, а также преподавал в течение трех лет в Высшей школе экономики (ГУ–ВШЭ). Все остальные события происходили исключительно в творческой эволюции.

В течение последних нескольких лет Михаил Александрович высказал ряд крайне принципиальных, но спорных положений, которые образуют определенный комплекс идей, требующих внимательного прочтения и анализа. Можно даже сказать, что в своих статьях он набросал целую программу, которую можно условно назвать «Философией науки в новом видении» (таков заголовок статьи Розова 2009 г.). Сюда можно также отнести такие его работы, как «Тезисы к перестройке теории познания», «Познание как предмет эпистемологии», «Объект познания и проблема инноваций», «Инварианты теоретического и эмпирического знания», «Проблема истины в свете теории социальных эстафет», а также – ту статью, которая публикуется в настоящем выпуске журнала.

Когда сейчас перечитываешь работы М.А. Розова, становится и обидно, и стыдно. Обидно за нашу отечественную философию, за отечественное философское сообщество: оригинальный и смелый мыслитель, высказавший немало чрезвычайно интересных идей, так и не дождался серьезного анализа и критики своих взглядов со стороны коллег. Конечно! Пересказать и откомментировать убогие мысли какого-нибудь зарубежного автора считается свидетельством высокого профессионализма, а критический анализ оригинальной и целостной философской концепции, созданной человеком, работающим в соседней комнате, рассматривается как нечто несерьезное и не вызывает интереса. Очень жаль, ибо Розов с его острым, быстро реагирующим умом мог бы весьма существенно развить свою философскую

⁴ Там же. С. 8.

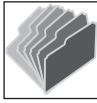

концепцию и его вклад в отечественную философию мог быть гораздо более весомым. Он был блестящим полемистом, и его подлинной стихией была дискуссия – именно в споре, в столкновении идей наиболее ярко проявлялись грани его таланта. Увы, критические дискуссии до сих пор не приживаются в нашей философии. А стыдно потому, что почти в каждом из нас до сих пор сидит это вековое пренебрежение к своему, «туземному» и мы начинаем ценить какие-то идеи только после того, как их представят нам в зарубежной упаковке.

А ведь Розову действительно удалось создать достаточно цельную философию, краткий очерк которой представлен им в публикуемой ниже статье. Эта философия решает онтологический вопрос, показывая, что представляют собой окружающие нас вещи. Розов предложил оригинальную трактовку обширного класса социальных явлений, т.е. построил некоторую социальную онтологию. С точки зрения его теории социальных эстафет социальные структуры, традиции, учреждения представляют собой куматоиды – подобно волне они движутся из прошлого в будущее, сохраняя свою форму и пропуская через себя сменяющие друг друга поколения. Образ волны занимал, по-видимому, важное место в мышлении Розова. Волна бежит по поверхности воды, захватывая все новые частицы, «содержание» волны, так сказать, все время меняется, но сохраняется форма, структура. Кажется, точно так же Розов представлял себе движение человеческого общества сквозь время: человеческие «частицы» меняются, но общество в целом сохраняет свою структуру. Наконец, что для нас в данном случае наиболее важно, Розов построил весьма своеобразную теорию познания, ответив на традиционные гносеологические вопросы о том, что и как мы познаем, что есть истина и т.д.

Таким образом, мы можем говорить о философии Михаила Розова точно так же, как мы говорим о философии Бертрانا Рассела, Мартина Хайдеггера или Карла Поппера. Причем, если, скажем, для философии Поппера исходным пунктом и отличительным признаком было понятие фальсифицируемости, для философии Розова фундаментальным было понятие человеческой деятельности: деятельность формирует картину внешнего мира, деятельность является фундаментом теории социальных эстафет, познание также рассматривается как особая деятельность. Отличие между названными зарубежными философами и М.А. Розовым состояло лишь (!) в том, что если первые развивали свои воззрения в атмосфере заинтересованной критики, испытывая стимулирующее воздействие как со стороны единомышленников, так и стороны оппонентов, то Розову в этом отношении повезло гораздо меньше, хотя он пользовался известностью в стране, уважением и любовью всех, с кем работал, с кем сталкивала его судьба.

Но, может быть, в его философии не было ничего серьезного, ничего такого, что заслуживало бы внимательного критического рас-

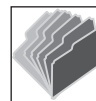

смотрения? Для ответа на этот вопрос взглянем на одно из его самых спорных эпистемологических утверждений.

Розов неоднократно утверждал, что объектом нашего познания является не мир сам по себе, не окружающие нас предметы и явления с их свойствами и связями, а наша деятельность в этом мире. Соответственно результаты нашего познания, т.е. полученные нами знания, говорят не о мире, а о нашей деятельности. На первый поверхностный взгляд это утверждение может показаться (и казалось) абсурдным. Однако при более внимательном чтении выясняется, что по сути дела у Розова речь идет о том, что именно наша деятельность – производительная или познавательная – вычленяет из реальности те элементы, которые включаются в деятельность и обеспечивают ее успех или неудачу. Мир дан нам не в чувственном восприятии, а как элемент деятельности. Поэтому и знание описывает не мир сам по себе, а элементы мира, включенные в деятельность. Знание отображает нашу деятельность, ее специфику, но в то же время оно дает представление о мире – в той мере, в которой он включен в деятельность. Конечно, говорит Розов, форма, в которой представлено знание, – утверждения и теории – маскирует это обстоятельство и создает ощущение, будто знание непосредственно относится к самому миру. Но это – иллюзия, знание описывает нашу деятельность в мире.

Глубину и справедливость этой мысли Розова можно вполне оценить, если поставить следующий вопрос: как могли бы мы передать какие-то сегодняшние наши знания представителям иной культуры, скажем, античным грекам? Например, знание о том, что вокруг проводника с электрическим током возникает магнитное поле, что вольфрам плавится при температуре 3410 °С, что за Сатурном находится еще одна планета, и т.п. Конечно, мы могли бы рассказать им об электрическом токе, о магнитном поле, о связи электричества и магнетизма, об агрегатных состояниях вещества; мы могли бы предложить им новую картину мироздания и сделать понятными значения наших терминов. Однако все наши рассуждения и утверждения остались бы для греков такими же спекулятивными гипотезами, как идея Филолая о Солнце как центре мира или идея Демокрита об атомах. Это не стало бы для них знанием до тех пор, пока мы не снабдили бы их оборудованием и приборами для получения и измерения электрического тока, пока мы не научили бы их получать температуры свыше 3000 °С, пока не дали бы им в руки телескоп. Только после того как они сами осуществили бы соответствующие виды деятельности, наши утверждения стали бы их знанием. Но именно это и имеет в виду Розов, утверждая, что знание – это описание успешной деятельности! По-видимому, ему действительно удалось внести что-то новое и верное в наше понимание природы человеческого познания.

Сегодня иногда можно услышать сетования на то, что после устаревания марксизма из нашей философской жизни в ней не осталось

никаких значительных идей и концепций, поэтому за новыми философскими идеями приходится обращаться к зарубежным мыслителям. Высказывания подобного рода просто-напросто выдают плохое знакомство с современной отечественной философией. Ярким свидетельством ошибочности таких мнений является философия М.А. Розова, создававшаяся на наших глазах, по-новому осветившая многие важные философские проблемы и способная дать творческий импульс к дальнейшим исследованиям как в области эпистемологии, так и в сфере социальной философии. Мы надеемся, что публикуемая ниже статья М.А. Розова привлечет широкий интерес к творчеству одного из самых оригинальных мыслителей отечественной философии.